

RATIONAL JUSTIFICATION OF MORAL PHILOSOPHY
OF D. GAUTHIER

D. Usov, Candidate of Philosophy, Associate Professor
Academy of Fire Safety Named After Chernobyl Heroes,
Ukraine

Peculiarities of the "fair contract" theory by D. Gauthier and its fundamental differences from the theory of justice as honesty (J. Rawls) have been analysed in the paper.

Keywords: social contract, contractualism, rationality, fair contract, justice, honesty, legitimation.

Conference participant

РАЦИОНАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ
МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ Д. ГОТИЕРА

Усов Д.В., канд. филос. наук, доцент
Черкасский институт пожарной безопасности им. Героев
Чернобыля, Украина

В статье проанализированы особенности теории «честного контракта» Д. Готиера и ее принципиальные отличия от теории справедливости как честности Дж. Роулза.

Ключевые слова: общественный договор, контрактualизм, рациональность, честный контракт, справедливость, честность, легитимация.

Участник конференции

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:hp.v0i9.1363>

Дискурс общественного договора известного американского философа Давида Готиера все больше привлекает внимание как отечественных и российских исследователей (Б. Кашников, Н. Кудрявцева, Л. Ситниченко), так и западных философов (Б. Берри, М. Мур, М. Нусбаум). Речь идет, прежде всего, о предложенной Готиером попытке рационального обоснования моральной философии, о развитии ее основных идей и принципов на началах не практического, а инструментального ума, чистой рациональности.

Целью исследования статьи является анализ особенностей теории «честного контракта» Д. Готиера и ее принципиальных отличий от теории справедливости как честности Дж. Роулза. Поскольку контрактualизм Роулза базируется на кантовском толковании рациональности как рациональности практического ума, Готиер считает, что индивиды ориентируются, прежде всего, на рациональность ума инструментального, а для достижения наибольшего результата приходят к необходимости принятия определенных моральных норм, которые эффективно и плодотворно будут предопределять и регулировать их индивидуальные и социальные (глубоко индивидуалистические) отношения.

В общеметодологическом смысле особой актуальности идея общественного договора приобретает в контексте того, что именно она является основой всех конкретных соглашений и важных взаимоотношений между гражданами и властью. В самой идее общественного договора и ее интерпретации В. Керстингом, Д. Готиером,

Р. Дворкиным, Дж. Роулзом, А. Сеном, Э. Тугендгатом, (частично исследованных в работах украинских - А. Ермоленко, Н. Кудрявцева, Л. Ситниченко, Н. Тур, Д. Усов и российских философов - Т. Алексеева, Г. Канаш, Б. Кашников, Э. Соловьев), ее существенной взаимосвязи с проблемами современной этики, политической философии и философии права, проявляется ее как европейское, так и общечеловеческое значение.

Осмысливая основанные на договоре справедливые или несправедливые законы, современная политическая философия (прежде всего благодаря работам Дж. Роулза и Д. Готиера) стремится понять – как связаны между собой интерес и право, польза и справедливость. Именно это и обуславливает особенности самого предмета исследования статьи – стремления к всестороннему анализу основных принципов теории справедливости Д. Готиера, берущих начало в дискурсе общественного договора, заложенного Томасом Гоббсом. Кроме того, в рамках идеи общественного договора актуализируется, как подчеркнул известный канадский философ Ч. Тейлор, проблема нравственности как проблема следования индивидуума голосу природы внутри него. С другой стороны, Ч. Тейлор обращает внимание и на основной недостаток современного контрактualизма – его стремления акцентировать внимание на правах и интересах людей. Тейлор применяет термин «атомизм», прежде всего, «для названия современных доктрин, которые или возвращаются к теории общественного договора,

или стараются защитить определенным способом приоритет индивида и его прав перед обществом, или представляют сугубо инструментальный взгляд на общество» [1, 233].

Заметим, что критика якобы неправдивого универсализма либеральной теории общественного договора и присущего ей упрощенного видения принципов справедливого распределения разнообразных социальных благ в известной книге Дж. Грея «Поминки по Просвещению» есть также существенным аргументом в пользу реконструкции основных методов и принципов неметафизической теории общественного договора и рациональности как Дж. Роулза, так и Д. Готиера. Поскольку, как свидетельствует внимательное прочтение работы Грея, его критические упреки о сущностной принадлежности принципа индивидуализма касаются не только работ Роулза, но и трудов Р. Дворкина, Б. Аккермана, Д. Готиера. Как подчеркивает Грей (только вот насколько справедливо?) работы перечисленных авторов будто бы объединяет с работой Роулза стремление поставить «неисторический и абстрактный индивидуализм на службу легалистской и юридической парадигме в политической философии. Задача политической философии понимается как создание идеальной конституции, в идеале – конституции на все времена и для всех стран и народов» [2, 22]. И вдобавок, отсюда делается вывод о том, что, когда хотя бы минимальный уровень политической морали воплощается в принципах справедливости и права, то права человека оттесняют на второй план

права общественных объединений, их нормы и ценности.

Настаивая на том, что важнейшим для успешного составления контракта («честный контракт» – аналог понятия «честная сделка») есть честность и беспристрастность самой процедуры договорной ситуации, Готтиер опирается на дискурс Гоббса относительно общественного договора и политической антропологии. Если с дискурсом общественного договора Гоббса идеи Готтиера связаны непосредственно, на что указывает и сам Готтиер, то продолжение идей Гоббса мы можем обнаружить также и в размышлениях о власти Макса Вебера, хотя понимание власти первым является более широким, поскольку речь идет о трех типах власти (не как цели, а как средства): над природой, над другими людьми и над собой.

В чем же заключается эта схожесть и отличия? Принципиально важным является обоснованный Гоббсом принцип общественного договора как абсолютно новый социальный принцип регуляции жизнедеятельности, который фиксирует значимый для современной политической философии и философии права переход от телеологических (античных и средневековых) к правовым (современным) представлениям о справедливости.

Заметим также, что само место идеи общественного договора в контексте конституирования современной политической философии и переосмыслении ею секуляризованных, основанных на автономии, т.е. способности человеческих существ устанавливать для себя собственные законы, стало предметом исследования известных европейских философов современности. По мнению Ю. Хабермаса, значительным достижением, связанным с идеей общественного договора, стало преобразование права (через его десакрализацию) в фундаментальный источник легитимности и атрибут человеческого бытия. Легитимную силу приобретают именно горизонтальные социальные взаимоотношения людей, которые и воплощаются (что и подчеркивают классики европейской философии Нового времени) в общественном договоре. На его основе возникает светская по

своей природе, оправданная, прежде всего, свободным стремлением ее участников, система прав человека: вместо закона Божьего начинают заявлять о законе природы и законе как совокупности правовых норм.

Новые общественные реалии вызывают необходимость по-новому осмыслить положение человека и его ощущение свободы. В теориях общественного договора, в частности работах Т. Гоббса, понятие свободы рассматривается преимущественно при помощи естественно-научной терминологии, например, определения естественного отсутствия сопротивления. Ведь, по мнению Гоббса, свободным является человек, которому ничто не мешает поступать по своему желанию.

Тем не менее, и в таком понимании речь идет о значимости для современного общества, основанного на десакрализации общественных отношений, реального преобразования именно договора в основу отношений правовых, что и было воплощено в теориях общественного договора и присущему им новому видению взаимосвязи индивида как субъекта собственности и субъекта права. На этом основании лишь владелец, индивид с присущим ему правом распоряжаться своим «Я» может заключать справедливую сделку с другими такими же индивидами.

Сравнение двух современных теорий общественного договора как теорий справедливости – Дж. Роулза (справедливость как честность) и Д. Готтиера (справедливость как взаимная польза), является принципиально важным для их углубленного понимания. Один из исследователей этой проблематики Б. Берри подчеркивает, анализируя их отличие, которое, по его мнению, заключается в том, что Роулз опирается на принцип «пелены незнания», для достижения с его помощью равноправия участников общественного договора.

В политической антропологии Д. Готтиера человек выступает конкретным субъектом, которому присуща вся информация и о себе, и о других. Исходное пространство такого человека превращается в территорию, освобожденную от моральных принципов, а принципы спра-

ведливости превращаются в принципы самоограничения, основанные на рациональных, иногда эгоистических интересах [3, 9].

Дж. Роулз позиционирует свою теорию справедливости как современную версию теории общественного договора и, благодаря его версии контрактализма (который, опираясь на кантовскую версию общественного договора, исходит из того, что необходимо уважать каждого конкретного индивида, а моральные принципы должны быть оправданными относительно него, т.е. требование соблюдения честного и непредубежденного договора обусловлено внешними причинами) относительно него (причинами) современный философский и политический дискурс утверждает, что основанная на принципах свободы и равенства идея общественного договора является воплощением основных демократических ценностей, демократических способов регулирования взаимоотношений граждан и власти. А предложенная Роулзом (на началах модернизированной теории общественного договора) интерпретация принципов социальной справедливости не ограничивается стремлением опираться на инструментальную теорию рациональности, учитывая актуальную и сегодня потребность согласования противоположных, часто конфликтующих между собой интересов и намерений. Согласно пониманию Роулза справедливости как честности, «принципы справедливости для основной структуры общества являются предметом первоначального договора. Это те принципы, которые свободные и рассудительные лица, заинтересованные в преследовании своих собственных интересов, принимают в такой себе начальной позиции равенства как такие, что определяют фундаментальные условия их социализации. Эти принципы должны регулировать все дальнейшие договоренности» [3, 36-37].

Обосновывая договорной характер своей теории справедливости, Роулз возвращает договорную теорию (которая дальше и дальше отходила на второй план под давлением прагматических и аналитических взглядов) к жизни. Ему чрезвычайно импонирует то, что идея общественного договора дает возможность объединить (путем согласия, компромисса как процедуры

решения проблемы) разнообразные, временами даже отличные интересы и ценности. Она есть также, считает Роулз, более адекватной (чем основанный преимущественно на инструментально-технической или же стратегической рациональности утилитаризм, который стремится лишь к выгоде) плюралистической сущности современного общества. Роулз рассматривает общественный договор как соглашение, но довольно широкое, т.е. такое, которое является источником политических прав и обязанностей граждан, механизмом справедливой защиты их интересов и основой принципов справедливости. Характеризуя основную «идею справедливости», он подчеркивает: мы должны вообразить себе, что те, кто принимает участие в социальном сотрудничестве, вместе, в общем социальном действии выберут принципы, которые определяют их основные права и обязанности, а также распределение социальных благ. Подписывая это общественное соглашение, люди должны раз и навсегда решить, что является справедливым, а что - несправедливым, а те принципы, которые они выберут в качестве справедливых, должны быть главными для дальнейшей критики и реформирования социальных институтов [4].

Если рационального субъекта Роулз постигла далеко неоднозначная судьба, то в еще большей мере сказанное касается политической антропологии Д. Готиера, основная интенция которой сформулирована им в начале работы «Мораль по соглашению», где справедливость есть одновременно и взаимовыгодной, и непредубежденной границей для эгоистических интересов: «Долг есть выше пользы, тем не менее, соблюдение долга является на самом деле выгодным» [5, 2]. Какими же могут быть эти ограничения, о которых неустанно повторяет Готиер – моральными (если он называет свою теорию «теорией морали») или нормативно-рациональными (что вытекает из самой сути его теории)? Основой теории морали Д. Готиера следует справедливо считать понимание рациональности как максимизации обоснованных преимуществ так сказать «человека экономического». Самое такое понимание человека должно стать, по мысли Готиера, сердцевинной раци-

ональной политической антропологии, которая ориентируется не на интерес, а на выгодное предоставление предпочтений, т.е. на пользу. Тем не менее, как согласовать такой субъективный подход с желаниями других людей? Здесь Готиер обращается к теории игр, ведь максимизация предоставления предпочтений невозможна без ситуации выбора. Готиер обращается к особому типу игры – контракту. Таким образом, его теория рационального выбора получает название «теории рационального контракта».

Если М. Сендел и Ч. Тейлор были первыми, кто раскритиковали, строго и придирчиво очертили границы рационально-антропологической составляющей теории Дж. Роулза, собственно отвергнув присущий ей взгляд на человека как на свободное и рациональное существо, то в еще большей мере сказанное относится к теории Готиера. Ведь он, равно как и другие приверженцы, идет ошибочным путем и для утверждения преимуществ принципа справедливости перед принципом блага вынужден черпать силу из неправдивого метафизического источника истолкования первичного смысла и значимости рациональности индивида и его индивидуализма. Готиер считает, что непредубежденные нормы рационального выбора, которых требуют индивиды в своей общественной жизни, являются одновременно похожими на моральные нормы и отличными от них. А сам контракт, подчеркивает философ, выступает разновидностью договора, обусловленного взаимовыгодным обменом. Какая же роль здесь отводится справедливости, когда наступает ее очередь регулировать взаимоотношения индивидов?

Ответ Готиера является воистину философским – справедливость, как особая форма рациональности, нужна не только для того, чтобы составлять контракт и придерживаться его, но и для определения самих условий достижения контракта как справедливых условий, при которых невозможно злоупотреблять интересами других людей и перекладывать на плечи других свои затраты. Таким образом, Готиер стремится как можно больше внимания уделить рожденному западной цивилизацией, преимущественно рыночной по своей сути, рыночному

взаимодействию, которое нуждается в довольно жестких запретах [5, 19].

Осмысливая поставленные задачи (теоретическую и практическую), Готиер считает, что необходимость морали органически связана с практическим применением стратегической рациональности и пониманием справедливости как рациональной кооперации и, в конце концов, очень напоминает собственно моральную норму. Предлагая всем возможным участникам общественного договора достичь справедливого контракта, Готиер называет свою концепцию «максимальной относительной уступкой», точкой, где пересекаются интересы всех участников контракта. Важна в этом ключе исходная позиция, которая в традиционных теориях общественного договора получила название «естественного состояния», есть освобожденной от морали территорией, а принципы справедливости выступают способом самоограничения, согласования которых является рациональным соответствием собственным интересам. Основой критики Д. Готиером теории Роулза является то, что последний абстрагируется от целого ряда важных человеческих качеств, способностей и талантов, которые весьма важны и должны быть присущими любой теории справедливости [5, 254].

В означенном русле Готиер формулирует три основных принципа справедливости: первый заключается в максимальной относительной выгоде. Для достижения рационального взаимовыгодного договора Готиер вводит второй принцип – справедливыми и рациональными должны быть не только условия достижения контракта, но и его соблюдение. Такой шаг есть вполне логичным – когда контракт подписан, именно тогда возникает практический соблазн (и теоретическая проблема преодоления конфликта сущего и надлежащего) – достичь наибольшей пользы для себя, даже через нарушение взаимовыгодного контракта. Именно в этом принципе сконцентрировано следующее стремление Готиера – надеяться на рациональность морали участников общественного взаимодействия. И, в конце концов, обращаясь к осмыслению основ контракта в виде третьего принципа справедливости, Готиер отмечает, что даже добровольный контракт не мо-

жет быть основан на несправедливости, на обмане или насилии, а его выполнение нельзя считать рациональным. Т.е. взаимовыгодное составление договора, предусмотренное последним принципом справедливости, возможно лишь между свободными и равноправными индивидами.

Иными словами, Готиер стремится вывести моральные принципы из чистой рациональности, постулируя кооперацию как основной путь для принятия основных принципов справедливого взаимодействия. В соответствии сего концепцией морали по согласию, принципы справедливости или морали, как постоянно подчеркивает Готиер, являются основой возможного согласия рациональных индивидов и, что выступает в качестве взаимовыгодного контракта сохранения собственных интересов, а сами честные и справедливые условия кооперации могут быть определены как принципы морали. Для них присущи следующие важные черты: они являются внутренними, поскольку задевают волю индивида, и непредубежденными. Поскольку теория рационального договора является основой моральной концепции Готиера, то и ее, как теорию справедливости Роулза, можно (вместе с его ученицей Мартой Нусбаум) назвать довольно ограниченной, поскольку она

не оставляет достойного места тем, кто не может или не хочет участвовать во взаимовыгодной кооперации. Можно также согласиться с критикой относительно отсутствия внимания Готиера к проблеме стабильности общества, которая у Роулза, например, обеспечивается чувством справедливости. Тем не менее, неубедительным выступает тезис о том, что теории честного контракта Д. Готиера и справедливости как честности Дж. Роулза приобретают теоретический смысл преимущественно в пределах западной культуры (Б. Канарш, Б. Кашников), а нам следует опираться и надеяться на присущий славянской душе альтруизм и сочувствие. Действительно, на сочувствие мы можем надеяться, а справедливости, как важной компоненты общественного бытия, мы должны требовать, так как без нее и последнее является невозможным. На самом деле справедливым и честным быть, по меньшей мере, выгодно.

References:

1. Tejlor Ch. Atomizm., Liberalizm. Antologija [Atomism., Liberalism. Anthology]. – Kyiv., 2002., pp. 235-255.
2. Grej Dzh. Pominki po Prosvshheniju [Commemoration for Education]. Politika i kul'tura na zakate sovremenosti [Politics and culture on

the decline of our time]. – Moskva., Praksis [Praxis], 2003. – 368 p.

3. Barry B. Theories of Justice. – Berkley, 1989. – 267 p.

4. Vazhnymi i metodologicheskimi znachashhimi dlja sovremennyh teorij obshhestvennogo dogovora javljajutsja issledovanija po probleme racional'nosti L. Sitnichenko «Napruzhenie ponjattja racional'nosti v suchasnij praktichnij filosofii» i O. Sobol' «Problema racional'nosti v postneklasichnij perspektivi», izlozhennye v rabote Filososfs'ki diskursi racional'nosti [The research studies on the problem of rationality by L. Sitnichenko "Intensive concept of rationality in the modern practical philosophy" and by A. Sobol' «The problem of rationality in the Postnonclassical term», set out in the "Philosophical discourses of rationality" are important and methodologically meaningful for modern theories of the social contract]. – Kiev., 2010. – 429 p.

5. Gauthier D. Morals by Agreement. – Oxford., 1986. – 367 p. <http://dx.doi.org/10.1093/0198249926.001.0001>

Литература:

1. Тейлор Ч. Атомизм., Либерализм. Антология. – Київ., 2002., С.2 35-255.

2. Грей Дж. Поминки по Просвещению. Политика и культура на закате современности. – Москва., Праксис, 2003. – 368 с.

3. Barry B. Theories of Justice. – Berkley, 1989. – 267 p.

4. Важными и методологически значимыми для современных теорий общественного договора являются исследования по проблеме рациональности Л. Ситниченко «Напружене поняття раціональності в сучасній практичній філософії» и О. Соболев «Проблема раціональності в постнекласичній перспективі», изложенные в работе Філософські дискурси раціональності. – Киев., 2010. – 429 с.

5. Gauthier D. Morals by Agreement. – Oxford., 1986. – 367 p. <http://dx.doi.org/10.1093/0198249926.001.0001>

Information about author:

1. Dmitry Usov - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Academy of Fire Safety Named After Chernobyl Heroes; address: Russia, Cherkassy city; e-mail: dimausov@i.ua

